

Всю дорогу от класса до ворот школы Линь Цзунцзе только и делал, что изводил себя вопросом: как его вообще угораздило так сплеховать? Почему он спасовал перед этим типом и, мало того, заикаться начал в самый ответственный момент?

Для признанного короля словесных баталий города А проиграть спор какому-то книжному червю вроде Хань Линя было несмываемым пятном на репутации. Цзунцзе прямо-таки лопался от досады. Он мысленно поклялся вызубрить побольше заковыристых фразеологизмов, чтобы при следующей стычке засыпать этого умника градом идиом, как в игре в словесные ассоциации.

Вот только... «бесстыжая рожа»... «рожа»... «ж»... Какое приличное оскорбление вообще начинается на букву «ж»? Чертовщина какая-то.

Утопая в своих невесёлых думах, Линь Цзунцзе добрёл до парковки. Едва завидев «скромную» отцовскую «Ауди-А6», он тут же выместил всю скопившуюся злость на ни в чём не повинной машине.

Дверца захлопнулась с таким оглушительным грохотом, что стёкла задребезжали.

Отец Линь, мирно дымивший сигаретой и лениво листавший новостную ленту в телефоне, от неожиданности едва не выронил бычок прямо себе на брюки.

— О господи, сынок, ты что, опять подрался? — Он судорожно смахнул уведомления и, лишь убедившись, что ни классный руководитель, ни директор ему не звонили, унял бешено заколотившееся сердце. — Да что стряслось-то? Кто тебя опять зацепил? Я же просил: раз уж поступил в Городскую ключевую школу, води себя приличнее. Там ведь учатся будущие светила нашей науки, надежда страны! А ты у меня кто? Одуванчик-переросток?

— Давай поезжай уже, чего мы ждём? — буркнул Цзунцзе.

— Погоди немного, надо ещё одного парнишку забрать.

— Кого ещё? — раздражению Линь Цзунцзе не было предела.

Вся эта ситуация с проигранной дуэлью жгла его изнутри. Если слухи поползут по улице, как ему потом смотреть в глаза своей банде? Узнай пацаны, что их грозный вожак замялся и заикнулся перед очкариком, пиши пропало — былого авторитета не вернуть. А этот Хань Линь... Его вечно снисходительный взгляд, манера смотреть на окружающих как на пустое место и спесь превосходства выводили из себя при одном только воспоминании.

Пока он кипел от злости, виновник его мучений не заставил себя долго ждать — лёгок на помине.

Задняя дверца распахнулась, и в салон сел Хань Линь. Цзунцзе сперва мазнул по нему равнодушным взглядом, но уже через секунду в ужасе резко обернулся назад.

Он открыл рот так широко, что туда без труда поместилось бы отборное куриное яйцо.

— А вот и Линь-Линь пришёл! — отец тут же расплылся в улыбке.

Весь его недавний гнев как ветром сдуло. Голос Отца Линя сделался мягким и елейным, словно он ворковал с любимым племянником.

— Мы ведь с твоим отцом с первого класса за одной партой сидели. Он тогда, как и ты, круглым отличником был, а я у него постоянно домашку списывал. Так и проучились бок о бок до самого выпуска. Учителя меня за версту обходили, хулиганом считали, а твой папа никогда от меня не отворачивался, всегда дружил.

Мужчина плавно выжал сцепление, крутанул руль, и машина покатила прочь со школьного двора.

Хань Линь небрежно бросил рюкзак на сиденье рядом с собой и сел идеально прямо. На Линь Цзунцзе он даже не взглянул, искусно делая вид, будто они видят друг друга впервые в жизни.

— Мой-то оболтус весь в меня пошёл, — сокрушённо вздохнул отец, выруливая на оживлённую улицу. — С пелёнок бедокур, к книжкам и близко не подходил. Только и знал, что в грязи возиться да кулаками махать. Жизни совсем не нюхал, трудностей не понимает. А ведь сейчас без образования никуда, пропадёшь. Мы с матерью звёзд с неба не хватаем, великих свершений от него не требуем. Пусть хотя бы школу нормально окончит, диплом какой-никакой получит, чтобы люди не тыкали пальцем, когда семейное дело принимать будет. Главное, чтоб закон не преступал — а там уж ладно, проживём.

Хань Линь вежливо улыбнулся.

«Да уж, планка требований у вас, дядя, прямо-таки на уровне плинтуса»

— Линь-Линь, то, что мой шалопай попал в вашу школу, да ещё и в один класс с тобой, за одну парту — целиком заслуга твоего отца. Как разошлись наши дорожки после школы: твой-то в университет поступил, а я в коммерцию подался. Почти пятнадцать лет толком не общались. Ради того, чтобы пристроить Цзунцзе, мне пришлось по всем старым связям побегать, скольких людей переворочить...

— Ну ладно тебе, пап, хвастаться тут ещё, как ты пороги обивал, — недовольно оборвал его Линь Цзунцзе. Он обернулся и с намёком посмотрел на соседа по парте. — Одноклассник Хань у нас парень занятой, целыми днями формулы зубрит. С чего ему твои байки слушать? Ему отдыхать надо, а то завтра на уроках носом клевать будет.

— И то правда, — поспешно закивал отец. — Линь-Линь, ты прикорни, если устал. Как приедем — я разбужу.

С этими словами он заботливо поднял стекло со стороны сына, чтобы гостя, упаси боже, не продуло.

Хань Линь наконец соизволил покоситься на Линь Цзунцзе. Он едва заметно и издевательски усмехнулся, словно говоря: «Я тебя насквозь вижу».

«Ишь ты, фантазёр. "Отец в командировке, улетел в Шанхай..." Ага, на ракете, не иначе. Командировка из пятого кольца в первое, оттуда обратно — и всё за три часа? Шустрый папаша, ничего не скажешь»

Цзунцзе натянуто кашлянул, уводя взгляд в сторону, и с самым независимым видом принялся разглядывать унылый пейзаж за стеклом.

Поездка по забитым дорогам с бесконечными заторами растянулась на добрых полтора часа. Наконец они свернули к загородной усадьбе. Место было просторным, уединённым, а воздух за версту был пропитан умопомрачительным ароматом шашлыка. Стоило Хань Линю приоткрыть дверцу, как к машине с громким лаем бросилась свора прикормленных местных дворняг. Собаки так и норовили залезть в салон, преданно заглядывая в глаза и настойчиво скребя лапами по порогам.

Отец Хань приехал раньше. Завидев старого друга, он поспешил навстречу. Мужчины с жаром обменялись рукопожатиями и, приобняв друг друга за плечи, весело направились к дому. На сыновей они даже не оглянулись — похоже, перспектива того, что подростки прямо здесь устроят побоище, их ничуть не заботила.

Линь Цзунцзе уверенно зашагал вперёд, но, заметив, что попутчик отстал, обернулся. Оказалось, Хань Линь застрял посреди двора, плотно зажатый в кольцо ошалевшими от радости псами.

— А ну пошли вон! Брысь! — прикрикнул Цзунцзе.

Он ловко подобрал с земли пару камушков и пригрозил замахнуться. Псы нехотя попятились и разбежались. Линь Цзунцзе победно скрестил руки на груди и ухмыльнулся:

— Это всего лишь собаки, а не писанные красавицы. Чего застыл-то, как вкопанный?

— Придурок, — бросил Хань Линь.

— Да ты... — Цзунцзе осёкся.

Снова заикнулся. Тьфу ты!

Какое-то проклятие. Словечки-то Хань Линь подбирал самые простые, ничего сверхъестественного, но у Цзунцзе каждый раз язык будто к небу прилипал.

— Ба, да это же Цзунцзе! — воскликнул подошедший отец Хань, оглядывая парня с ног до головы. — Ну и вымахал! Чем тебя только кормили? Слышал я, ты спортом серьёзно занимаешься. Крепкий парень, а ноги-то какие длиннющие — никак на стайера метишь?

Радущие Отца Ханя разительно отличалось от вечно постной мины его сына. Вообще, стоило Цзунцзе узнать, что их отцы — закадычные друзья, которые полжизни из одного котла хлебали, его взяли смутные сомнения. С таким-то спесивым характером, как у Хань Линя, его папаша по логике должен был воротить нос от простого коммерсанта Линя. Примерно так же, как сам Хань Линь презирал Цзунцзе.

«У этого задаваки нос вечно к небу задран. Неужто в их благородном семействе водятся люди, способные по-человечески дружить с двоечниками?»

— Всё верно, дядя Хань, как есть стайер! — Линь Цзунцзе мгновенно нацепил самую обезоруживающую улыбку, на которую был способен. — Ну у вас и глаз-алмаз! С одного взгляда мою специализацию определили. Настоящий профессионал, одним словом — голова!

— А то! — польщённо прищурился профессор Хань. — В людях я разбираюсь без промаха. Твоему отцу в юности все пророчили незавидную судьбу, твердили, что оболтусом вырастет. А я сразу разглядел: да, учиться не любит, зато парень честный, хваткий, с живым умом. И погляди на него теперь! Дипломами не обзавёлся, а дело своё поднял, миллионами ворочает. Разве ж бестолковый человек на такое способен?

— Ну, скажешь тоже, захвалил! — скромно отмахнулся Отец Линь, хотя лицо его прямо-таки светилось от гордости. — Просто повезло оказаться в нужное время в нужном месте, подгадал под экономический подъём. Куда мне до вас, профессоров, вы же у нас элита общества!

Наблюдая за тем, как оба родителя увлечённо рассыпаются в ответных комплиментах, Линь Цзунцзе наконец осознал секрет их многолетней дружбы. Два сапога пара.

Хань Линю вся эта суэта была явно не по душе. Приехал он сюда, судя по всему, исключительно из уважения к родителю. Усевшись за стол, он сразу же принялся методично уничтожать шашлык, не поднимая глаз и полностью игнорируя хвастливую болтовню старших.

Зато Линь Цзунцзе чувствовал себя как рыба в воде. По части умасливания старших и плетения изящной лести равных ему не нашлось бы во всём городе.

— Вот золотые слова! Дядя Хань у нас фигура недосягаемая, — Цзунцзе услужливо подлил вина в бокал профессора и мягко подтолкнул его руку ближе к хозяину. — Ну сами посудите: богатеи вокруг пруд пруди, а много ли среди них тех, кто преподаёт в лучших университетах страны? Да ещё и умудрился вырастить такого... выдающегося гения, как Хань Линь. Это ж какой труд!

Отец Хань поддался на уговоры, легко осушил бокал, и хмель тут же мягко ударил ему в голову.

Отец Линь, прошедший суровую школу бесконечных деловых застолий, тут же подхватил инициативу. Он принялся настойчиво подливать другу, преследуя вполне конкретную цель: ублажить дорогого гостя, чтобы тот повлиял на своего сына. А уж Хань Линь, глядишь, возьмёт шефство над Цзунцзе и подтянет его по учёбе. Хоть какой-то диплом парню нужен, а то с одним средним образованием перед людьми стыдно.

— Да сдались вам эти оценки! — благодушно замахал руками захмелевший профессор. — Зубрёжка до добра не доводит, вырастет книжный червь — и что делать? Нынешней жизни гибкость нужна, пробивной характер. Вот из твоего Цзунцзе точно толк выйдет, такие парни везде в почёте. А мой... Всем хорош, да только нелюдим. Молчит вечно, варится в собственных мыслях — я порой боюсь, как бы он рассудком от своих учебников не двинулся. Оценки — дело десятое. Главное, чтоб учился в радость и призвание своё нашёл.

— Золотые слова, дядя Хань! — Линь Цзунцзе с размаху хлопнул себя по колену. Не будь завтра уроков, он бы с радостью выпил с этим понимающим человеком на брудершафт. — У Хань Линя действительно один изъян: спорт он на дух не переносит. На каждой физкультуре, как нормативы по бегу сдавать, так он сразу справку несёт. Ну и к чему эта успеваемость, если здоровья нет? Не дай бог занеможет — кому тогда нужны его первые места?

— Не сдаёт бег? — удивился Отец Хань. — Это ещё почему?

— Да чтобы лишнюю пару английских слов вызубрить! — со знанием дела закивал Цзунцзе. — Ребята рассказывали, он даже по дороге в школу наушники не снимает, новости на английском слушает. Представляете, какая опасность? Вдруг на него грузовик из-за угла выскочит, засигналит во всю дурь, а наш отличник идёт себе глухарь глухарём. Так ведь и под колёса угодить недолго!

Пальцы Хань Линя, сжимавшие палочки, заметно дрогнули. Он безучастно проводил взглядом удравшую арахисину, которая весело запрыгала по столу и бесславно сгорела в углях жаровни. Положив приборы, он сухо отчеканил:

— Уже десять. Мне пора домой.

— погоди, Линь-Линь! — хором воскликнули оба отца, одновременно потянувшись к нему.

Хань Линь закинул рюкзак на плечо и с предельно вежливой, но холодной полуулыбкой обратился к старшим:

— Я прекрасно понимаю, ради чего вы устроили это представление. Хотели попросить меня приглядеть за Линь Цзунцзе? Чтобы он взялся за ум, не ввязывался в драки, не нарывался на отчисление и в итоге смог поступить хоть в какой-нибудь заштатный вуз? Могли бы сказать прямо, без этого спектакля.

Он резко повернулся к побледневшим от неожиданности Линь Цзунцзе:

— И да... У меня в жизни отродясь не было никакого плеера. Интересно, из какого пальца ты высосал эту чушь про новости? Мечтаешь подтянуться по предметам? Не переживай, я устрою тебе весёлую жизнь. Как учебный староста Девятого класса Городской ключевой школы, я просто обязан довести твою успеваемость до ума. Считаю это моим долгом.

Так Линь Цзунцзе собственноручно вырыл себе могилу и сам же в неё лёг.

<http://bllate.org/book/18229/1751609>